

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Сенека Луций Анней

Федра

Амазонка Антиопа родила Тесею Ипполита, каковой объявил, что жизнь будет вести целомудренную, ибо, всецело преданный охоте, чтит он Диану и бежал Венеры. Федра, мачеха Ипполита, прельщенная его красотой, теряет разум от любви. Пока Тесей пребывает в преисподней, пытается она победить целомудрие юноши мольбами и лестью, но бесстыдную жену Ипполит отвергает. Тогда в отчаянии меняет она любовь на ненависть и по возвращении Тесея наговаривает на пасынка, будто тот силою хотел ее обесчестить. Ипполит бежит из богомерзкого дома, однако, когда поспешал он на чужбину, неожиданно предстал перед ним морской бык, посланный Нептуном по молитве Тесеевой, и, загородив дорогу колеснице, исполнил ужасом Ипполитовых коней, так что те, не чуя узды, понесли, опрокинули колесницу и тело упавшего юноши по камням и терниям, терзая, поволокли. Узнав о смерти Ипполита, Федра открывает супругу всю правду и сама пронзает себя мечом над останками погибшего. Тесей оплакивает гибель неповинного сына и сокрушается о преждевременном своем гневе и о жестоком приговоре. Растерзанные останки он собирает и соединяет, насколько может лучше.

Раннее утро. Перед дворцом появляется Ипполит
в сопровождении охотников.

Ипполит

По крутым хребтам, по тенистым лесам
Разойдитесь скорей, кекропа сыны!
Проворной стопой обойдите кругом
Те места, где Парнет над низиной навис
Скалистой грядой, где бурливый поток
О берег бьет Триасийских долин
Быстротечной волной; к вершинам холмов
Взойдите, седым от рифейских снегов,
А другие - туда, где высокой ольхи
Верхушки сплелись, где ласкает луга
Росистый Зефир, чье дыханье велит
Весенней траве прорасти из земли,
Где ленивый Илисс средь тощих полей
Неспешно скользит и зловредной струей
Жметя тесней к бесплодным пескам.
Вы - налево, туда, где дорогу в леса
Открыл Марафон, где овцы ведут
Отары ягнят за собой, ища
Пастбищ ночных; вы - туда, где Австр
Смягчает мороз суровых Ахарн

Дыханьем тепла.

Пусть один из вас – на сладкий Гимет,
К малолюдным другой Афиднам идет,
Давно мы и тот не тревожили край,
Где берег морской изогнулся лукой,
Где Сунийский мыс. И Флии зовут
Всех, чья славой десной душа пленена:
Там вепрь живет – земледельцев гроза,
Что множеством ран известен давно.
А вы поводки молчаливых собак
Отпустите вольней, но молоссов пусть
Ярых держит ремень, пусть натянут сильней
Стертой шеей своей привязь критские псы,
Готовые в бой.

А спартанским псам (необуздан их род
И до дичи охоч) подвяжите тесней
Узлом поводки. Когда время придет,
Между гулких скал их лай зазвучит;
А до той поры пусть чуткий их нос
Ловит все ветерки и, низко склонясь,
Ищет нор, пока рассвет еще тускл
И росистая все отпечатки лап
Сохраняет земля.

Пусть один понесет груз редких тенет
На плечах, а другой – витые силки,
Пусть и долгая нить, багряным пером
Вкруг лесов запестрев, зверям преградит
Тщетным страхом путь.

Ты легкий дрот с размаху бросай,
Ты, в обеих руках тяжесть древка держа,
С широким копье острием направляй,
Ты, в засаде засев, громким криком гони
Пугливых зверей, а тебе – свежевать
После лова кривым добычу ножом.
О богиня, тебя, дева-лучница, жду,

Кому отдана в заповедных краях

Над пустынями власть, ты меткой стрелой
Поражаешь зверей, что студень ток
Аракса пьют иль резвятся зимой
На дунайском льду, преследуешь ты
И на Крите лань, и в Гетулии льва
Десницей твоей или, легкое взяв
Оружье, разишь быстроногих серн.
Пестрый тигр тебе подставляет грудь,
И загривок свой – волосатый зубр,
И бежит к тебе круторогий тур,
Всем зверям, что живут в пустынных краях,
Там, где зрит их араб меж бесценных дерев,
Или в скудных своих полях – гарамант,
Иль в безлюдных степях – кочевой сармат,
Дикий прячет ли их Пиренейский хребет,
Скрывает ли их Гирканская дебрь.
Страшен лук тугой, о Диана, твой.
Если с тем, кто тебя благодарно чтит,
Сила твоя пребудет в лесах,
Не порвет ни один ни тенет, ни силков
Расставленных зверь; и возы заскрипят
Под тяжестью туш, и у сытых собак
Алым цветом кровь запятнает носы,
И к лачугам своим, торжествуя, пойдет
Толпа поселян.
О богиня, ты здесь: мне знак подают
Голосистые псы. Дебри кличут меня.
Сюда, сюда мы пойдем, где тропа
Нам путь сократит.
Охотники уходят. Из дворца появляется Федра, за нею
Кормилица.
Федра
Великий Крит, бескрайних властелин морей,
Чьи корабли бессчетные причалены
У всех берегов и по путям Нереевым

Пучины бороздят вплоть до Ассирии,
Зачем ты в ненавистный дом заложницей
Меня отправил, в жены дал врагу, чтоб я
В слезах и бедах чахла? Муж далеко мой:
Как всем своим подругам, верен мне Тесей.
Во мраке, за непроходимым озером,
Там бродит воин жениха спесивого,
Царицы преисподней похитителя,
Служа безумью друга; и ни стыд, ни страх
Его не остановят: ложе блудное
За Стикс отца заманит Ипполитова.
Но больше боль гнетет теперь печальную.
Ни сон глубокий, ни ночной покой меня
Не избавляют от забот: недуг растет,
Жжет изнутри он, словно раскаленный пар
В пещерах Этны. Ремесло Паллады я
Забросила, из рук работа падает.
Не любо ни дарами чтить святилища,
Ни в шествии нести среди жен аттических
Свидетелей безмолвных таинств – факелы,
Ни почитать мольбами и обрядами
Защитницу страны, судом ей отданной,
Хочу зверей преследовать испуганных,
И крепкий дрот метать рукой изнеженной.
Зачем ты рвешься в лес, душа безумная?
Так вот он, материнский роковой недуг!
В леса зовет весь род наш страсть преступная.
Тебя теперь жалею, мать: недугом злым
Объята, стад свирепого вожатого
Ты дерзко полюбила; соблазнитель твой
Был дик и не терпел ярма, но все-таки
Он знал любовь. Какие боги мне теперь
Унять огонь помогут иль какой дедал?
Пусть он, могуч искусствами Мопсопии,
Чудовищ заточивший в дом безвыходный,

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Вернется, помощь обещая, - что мне в том?

Венера роду Солнца ненавистного

Давно за цени мстит свои к Марсовы,

Потомков феба отягчая гнусными

Пороками. Из Мнноид никто еще

Любви не ведал, легкой: всех их грех влечет.

Кормилица

О ты, жена Теея, кровь Юпитера,

Скорее страсть гони из сердца чистого!

Уйми огонь безумный и не слушайся

Надежды мерзкой. Кто любви противится

В ее начале - выйдет победителем.

А вскормишь сладостный недуг побряжками.

Ярмо тогда уж поздно будет сбрасывать.

Я знаю, не привыкла к правде спесь царей,

На верный путь охотой не свернет она.

Любой исход, что случай даст, я вынесу:

Близка свобода - вот и храбры старые.

С пути не сбиться, и желать лишь честного

Вот - первое; второе - меру знать в грехе.

Куда ты? что бесславный вновь позоришь род?

Мать хочешь превзойти? Грех хуже чудища:

Там лишь судьба виновна, а в грехах - твой нрав.

Ты веришь: если света дня не видит муж,

Проступок будет скрыт, бояться нечего?

Не думай! Пусть в Летейской бездне сгинул он

Иль Стикса вечным унесен течением,

Но разве тот, кто над морями властвует,

Отец, творящий суд над ста народами,

Потерпит, чтобы зло осталось тайною?

Родители ведь зорки! Но поверим, что

Мы скроем гнусный грех лукавой хитростью,

А матери родитель, озаряющий

Все на земле? А тот, кто сотрясает мир,

Чьи мечут длани молнию этнейскую,

Отец богов? Иль, может быть, ты думаешь,

Что ты от дедов спряталась всевидящих?
Но пусть не видят боги благосклонные
Объятий грешных, блуду пусть подарится
Спокойствие, что злым делам неведомо,
А страх души, что ведает вину свою
И сам себя пугается, – не кара ли?
Не будет безмятежным безнаказанный!
Любви преступной пламя угаси, молю,
Забудь свой грех, какого и у варваров
Не знали – ни на Тавре неприветливым,
Ни среди скифов, по степи разбросанных.
Очисти дух свой от преступных замыслов
И, вспомнив мать, страшись любодеяния!
Делить с отцом и сыном ложе хочешь ты,
Принять их семя в лоно нечестивое?
Что ж, извращай природу страстью мерзостной!
Как сиротеть без чудищ дому братнину?
Всегда ли мир услышит о неслыханном,
Всегда ли естество закон забудет свой,
Когда критянка любит?

Федра

О кормилица,
Все правда, знаю. Но безумство к худшему
Толкает, к бездне дух спешит заведомо,
Вотще взывая к помыслам спасительным.
Так, если против волн ладью груженую
Ведет гребец, напрасный пропадает труд:
Валы относят судно побежденное.
Что может разум? Правит, побеждая, страсть,
И вся душа во власти бога мощного.
Крылатый, всей землей повелевает он,
Неукротимым жжет огнем Юпитера,
Изведал жар его Градив воинственный,
Изведал и кузнец трехзубой молнии:
Он, кто под Этной в Горнах вечно пышущих

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Вздувает пламя, малым опален огнем.

И даже феба, стрелами разящего,
Пронзил стрелюю мальчик, метче пущенной.
И небу в тягость и земле полет его.

Кормилица

Да, чтобы волю дать пороку гнусному,
Любовь назвало богом сладострастие,
Придав безумью мнимую божественность.
Так, значит, сына по земле скитаться всей
Шлет Эрицина, чтоб из поднебесья он
Рукою нежной сыпал стрелы дерзкие,
И наименьший всех богов сильнее бог!
Все, все безумных душ пустые помыслы:
Лук сына, мощь божественная матери.
Кто, в роскоши купаясь, наслаждается
Чрезмерным счастьем, хочет необычного,
И тут, фортуны спутница проклятая,
Приходит похоть, и тогда не нравится
Ни скромный кров, ни пища повседневная.
Но что ж туда, где беден лар, та пагуба
Заходит реже, чем в покой разубранный?
Но что ж свята Венера в низких хижинах,
Простой народ питает чувства здравые
И знает меру? Властные, богатые
Меж тем желают больше чем дозволено
Мочь все стремится тот, кто может многое.
Как жить царице подобает, знаешь ты.
Страшись же: ведь вернется муж твой царственный.

Федра

Нет, надо мной любовь одна лишь властвует!
Его возврат не страшен мне: под светлый свод
Никто назад не вышел из спустившихся
В обитель вечной ночи и молчания.

Кормилица

Не верь Плутону. Царство пусть замкнет свое,
К вратам приставит стражем пса стигийского,

Один Тесей отыщет заповедный путь.

Федра

Тогда простит, быть может, он любовь мою.

Кормилица

И к верной-то жене он был безжалостен:

Узнала Антиопа руку гневную.

Пусть даже мужа яростного тронешь ты,

Ему как тронуть душу непреклонную?

Он даже слова "женщина" гнушается,

В суровом юность проводя безбрачии,

Бежит объятий: виден амазонки нрав.

Федра

К нему, туда, на те вершины снежные,

Через леса и горы вслед за ним лететь,

Стопою легкой путь кремнистый топчущим!

Кормилица

И он, остановившись, даст склонить себя,

Он для любви нечистой чистый нрав предаст?

К тебе забудет ненависть, что дикого

Возненавидеть женщин всех заставила?

Федра

Умеем диких укрощать любовью мы.

Кормилица

Он убежит.

Федра

И в море побегу за ним.

Кормилица

Отца попомни!

Федра

Помню и о матери.

Кормилица

Бежит он женщин.

Федра

Не страшны соперницы.

Кормилица

Твой муж вернется.

Федра

Пирифою служащий?

Кормилица

Отец...

Федра

Отец был кроток с Ариадною.

Кормилица

Моей косою, посеребренной старостью,
Тебя вскормившей грудью, сердцем горестным
я заклинаю: помоги сама себе!

Желанье исцелиться – к исцеленью шаг.

Федра

Стыд не покинул душу благородную
я повинуюсь. Направлять нельзя любовь.
Но можно победить. Не запятнаю я
Тебя, о слава. Выход есть из бед: пойду
За мужем. Смерть предотвратит нечестие.

Кормилица

Уйми души порывы исступленные,
Смирять себя. За то достойна жизни ты,
Что казни признаешь себя достойною.

Федра

Смерть решена. Лишь смерти род не избран мной:
Окончить в петле жизнь? На меч ли броситься?
Иль с круч твердыни ринуться Палладиной?
Рука с оружием чистоту спасет мою.

Кормилица

Моя ль допустит старость, чтоб погибла ты
до срока? Удержи порыв безумящий!
Того, кто умер, к жизни нелегко вернуть.

Федра

Ничто не помешает умереть тому,
Чья смерть – и долг, и твердое решение.

Кормилица

О госпожа, моей отрада старости,

Коль дух томит безумье беспощадное,
Презри молву! Ей дела нет до истины,
Сльвут за лучших худшие, а лучшие
За худших. Душу испытаем мрачную
Охотника угрюмого и дикого:
Моя забота – сердце укротить его.
Уходит вслед за Федрой.

Хор

О богиня, волн порожденье бурных,
Двойственный тобой Купидон рожденный
Факела огнем и стрелами грозен,
В блеске красоты шаловливый мальчик,
О, как метко он направляет стрелы!
До мозга костей прокрадется ярый
Потайной огонь, иссушая жилы.
Хоть язвит стрела неширокой раной,
До последних жил боль пронзает тело.
Мальчику покой незнаком: по миру
Он проворно мчит, рассыпая стрелы;
В тех ли странах, что зрят рожденье солнца,
В тех ли, что вблизи Гесперийской меты,
В тех, где знойный Рак иссушает землю,
В тех ли, где на свет паррасийской нимфы
Из степей глядит ледяных кочевник,
Знают этот жар: он лихим объемлет
Юношей огнем и усталым старцам
Возвращает пыл, уж давно угасший,
Девам в душу льет незнакомый пламень
И велит богам, покидая небо,
В измененных жить на земле обличьях.
Феб гонял коров в фессалийских долах,
Разномерной их созывал свирелью,
Отложив свой плектр ради стад рогатых.
Сам гонитель туч и небес создатель
Часто принимал облик малой твари:

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Крыльями плескал, что белее снега,
Сладкогласней пел, чем пред смертью лебедь,
или, став быком круторогим, резвым,
деве среди игр свой хребет подставил,
С нею вторгся вдруг во владенья брата
и копытом греб, как веслом упругим,
Усмиранный понт рассекая грудью,
Трепеща в душе за свою добычу.
Та, что темный мир озаряет светом,
Знала злую страсть: о ночах забыла,
Отдала свою колесницу брату.
Научился он управлять упряжкой
Темною и путь выбирать короче.
Стали ночи срок нарушать привычный,
Поздно стал всходить день, когда под тяжелой
колесницей той содрогалось небо.
И Алкмены сын отложил колчан свой,
С грозной шкурой льва Геркулес расстался,
Дал себе надеть с изумрудом перстни,
Космы подчинил он закону гребня,
Золотым ремнем обвязавши голень,
На ногу надел башмачок шафранный,
Взял веретено, прял рукой, привыкшей
Палицу держать и разить чудовищ.
Лидия, край богатейших царей,
и Персида глядит: свирепого льва
шкура сброшена с плеч,
Подпиравших чертог высоких небес,
и тончайший наряд с тирийских кроен
Покрывает их.
Огонь этот свят, правду те говорят,
кто знал его мощь. Где вокруг всех стран
Бежит Океан, где эфирным путем
Светила летят, белым жаром горя,
Там простер свою власть беспощадный стрелок.
Чьих стрел остроту под глубокой волной

Испытывал сонм голубых Нереид,
И все воды морей не залили огня.
Этот жар испытал и пернатых род,
И, Венерой язвим, телец молодой
Сражаться готов, – чтобы стадом владеть,
И робкий олень, коль его любви
Соперник грозит, – рогами разит.
Зычным ревом страсть, зародившись в душе,
Знать дает о себе. Загорелым тогда
Индийцам страшней полосатый тигр,
И точит острее смертоносный свой клык
Кабан, и пасть его в пене вся.
Пышной гривой трясут пунийские львы,
Когда движет любовь.
Свирепый рык наполняет весь лес,
Любит в буйных волнах чудовищный зверь
И луканский бык: всю природу себе
Покоряет любовь; неподвластных ей нет.
По приказу ее утихает вражда,
Пред ее огнем отступает гнев,
Есть ли больше пример? Даже мачех злость
Побеждает она.
Входит Кормилица.
С чем ты пришла, кормилица? И где теперь
Царица? Есть предел ли страсти пламенной?
Кормилица
Надежды нет утишить злой недуг ее,
Конца не будет пламени безумному;
Ее снедает тайный жар, скрываемый
Напрасно: выдает лицо смятение,
В глазах огонь, на свет зрачки усталые
Не смотрят. Что ни миг – желанье новое,
То встать, то лечь велит ей боль неясная.
Идет – у ней колени подгибаются
И голова, как перед смертью, клонится,

А ляжет на покой – полночи в жалобах,
Забыв про сон, проводит. То поднять себя,
То уложить прикажет, то причесывать,
То распустить ей кудри. В тягость бедная
Сама себе, от этого и мечется.
О пище, о здоровье и не думает,
Шатаясь, бродит. Где и сила прежняя,
И пурпур, ей лицо румянцем красивший.
Тоска ей гложет кости. Ноги слабые
Не держат, красота исчезла нежная,
В очах сиянье – признак рода Фебова
Уж не мерцает: блеск померк потомственный.
Из глаз все льются слезы непрерывные
И орошают щеки: так на Тавре снег
Под струями дождя влажнеет теплого.
Но вот дворца ворота отворяются.
Откинувшись на ложе золоченое,
Покров желает сбросить свой в беспмятстве.
Федра
(на ложе в глубине сцены)
Снимите платье, затканное золотом,
С меня, служанки! Прочь, сок тирских раковин
И нити, что с ветвей серийцем собраны.
Пусть перевязь стеснит мне грудь открытую.
Возьмите ожерелье! Камень матовый
С ушей снимите – моря дар Индийского.
Не нужны ароматы ассирийские:
Пусть вольно упадут вокруг шеи волосы
До самых плеч, чтобы от бега быстрого
Вились по ветру пряди.левой тул рукой
Возьму, а правой – легкий фессалийский дрот.
Была такую пасынка родившая,
Когда от Понта по земле Аттической
Вела она отряды меотийские
Иль танаисские, и в узел волосы
Сбирала, луновидным прикрывая бок

Щитом; такую полечу и я в леса.

Хор

Не сетуй: скорбь в несчастье не помощница.

Богиню-деву умоляй о милости.

Кормилица

(молится у алтаря Дианы)

Царица рощ, высоких гор пустынноца,

В пустынных высях гор одна лишь чтимая,

Приметы отврати от нас грозящие!

Богиня, средь лесных урочищ властная,

Ночных небес краса, светило славное,

Чьих перемен чредою озарен весь мир,

Трехликая Геката, снизойди к мольбам.

Смягчи упорный, мрачный Ипполита дух,

Пусть выслушает нас, пусть сам научится

Любить, пусть загорится сердце дикое.

Опутай душу: пусть угрюмый, яростный

Признает власть Венеры. Ради этого

Все силы приложи - и пусть засветится

Твой ярче лик, пусть тучу разорвут рога,

И пусть коней твоих с пути эфирного

Не совлекут заклятья фессалийские;

Пусть ни один пастух не похваляется

Твоей любовью. Внемли, снизойди к мольбам!

Появляется Ипполит.

Вот он пришел почтить алтарь обрядами

И рядом никого. Что ж ты колеблешься?

Все дал мне случай - дело лишь за хитростью.

Трепещешь? Злое порученье выполнить

Непросто, но когда приказа царского

Поистине боишься - честь из сердца вон:

Велений царских худший исполнитель - стыд.

Ипполит

Зачем сюда стопой усталой старческой

Пришла ты? Отчего чело нахмурено,

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Печален взгляд? Отец здоров мой, верю я;

Здорова ль Федра и чета сынов ее?

Кормилица

Не бойся: царство наше благоденствует
И дом цветет, счастливым взыскан жребием.

Смягчись же, раздели блаженство общее!

Лишь о тебе забочусь и тревожусь я:

Зачем себя смиряешь пыткой тяжкою?

Коль гонит рок, несчастным быть простительно;

Но если кто по доброй воле мучится,

Достоин блага растерять, которыми

Не пользуется. Вспомни, сколько лет тебе,

Дай волю сердцу! Факел ночью праздничной

Возьми: Вакх исцелит заботы тяжкие.

Дни быстротечны: наслаждайся юностью.

Теперь легко на сердце, лишь теперь мила

Венера. Что же все один на ложе ты?

Для неги волю дай унылой юности,

Ослабь поведья, жизни дней прекраснейших

Не упускай. Свое любому возрасту

Назначил бог, наш век ведя ступенями:

Веселье – юным, взор суровый – старости.

Зачем насильно естество смирать свое?

Та нива больше пахарю даст прибыли,

Где буйно зеленели всходы пышные;

То дерево всех выше в роще вырастет,

Что не подрезано рукой зловредною.

Высокий духом ближе к славным подвигам,

когда свободой бодрой нрав его возвращен.

Неискушенный в жизни, дикий, сумрачный,

Венере чуждый ты проводишь молодость.

Ты думаешь, мужчинам только трудности

даны в удел: строптивых объезжать коней,

Сражаться в битвах Марса кровожадного?

Едва увидев руки Рока хищные,

Отец вселенной тотчас озаботился,

Чтоб восполняло убыль вновь рожденное.
Пусть род людской расстанется с Венерою,
Его от угасанья сберегающей,
И будет мир лежать пустыней жалкою:
Все море опустеет, рыб лишенное,
Зверей в лесу не будет, в поднебесье – птиц,
Одних ветров проляжет путь по воздуху.
Для смертных толп есть много видов гибели:
Нас губят море, козни и оружие.
Но пусть и их не будет – к Стиксу мрачному
Спешим мы сами. Если жизнь безбрачную
Одобрит юность – веком человеческим
Измерив жизнь, исчерпается род людской.
Живи и ты, природу взяв в наставники:
Бывай почаще средь сограждан в городе.

Ипполит

Но те живут вольней и беспорочнее
И лучше чтят обряды стародавние,
Кто, возлюбив леса, бежал из города.
Ни алчным не зажжется тот безумием,
Кто предался горам душой невинною,
Ни среди черни, к лучшим недоверчивой,
Не ищет славы, ни царям не служит он.
Не жаждет царства, и богатств, и почестей,
Надежды чужд и страха, не боится он
Язвящего укуса черной зависти,
Злодейств, возросших в многолюдстве города,
Не знает и, виновный, не пугается
Любого шума: лживых не плетет речей,
Ему не нужны тысячеколонные
Чертоги, балки с пышной позолотою,
Алтарь он кровью не кропит обильною,
Осыпав сто быков мукой священной.
Живет безвинно под открытым небом он,
Лишь пустошам хозяин; ковы хитрые

Зверям лишь строит; от трудов усталое
В Илиссе нежит тело, в ледяной струе.
То на берег идет Алфея быстрого.
То сквозь чащобу лесом пробирается,
Где ток прозрачный Лерна льет студеная.
Кочует там, где птичьи стоны слышатся,
Где ветлы на ветру слегка колышутся,
Где буки стары. Возле речки-странницы
На голом дерне сладка дрема легкая,
Иль там, где из источника проворные
Бегут потоки, там ли, где, среди цветов
Виясь весенних, струи ручейка журчат.
Плоды лесные, прямо с ветки сорваны,
И земляника в травянистых зарослях
Легко прогонят голод. Царской роскоши
Бежит он; пусть из золота тревожного
Надменный пьет, а воду родниковую
Отрадней черпать горстью; крепче выпится,
Кто спит на жестком, но уж в безопасности.
Ему для дел бесчестных ложе тайное
В углу не нужно дальнем; страх не прячет он
За многими стенами; вольный свет ему
Любезен; видит небо все дела его.
Так, верно, жили от богов рожденные
В тот первый век, когда ни жажды золота
Не знали, ни судьей между народами
Не встал священный камень, разделив поля,
Ни волн не рассекал корабль доверчивый,
Свое лишь море каждый знал. За насыпью,
За строем башен города не прятались;
Не брался воин за оружие грозное,
Тяжелый камень, из баллисты пущенный,
Ворот не сокрушал; земля хозяина
Не знала и волам рабыней не была.
Сама тогда людей непритязательных
Кормила пашня, пищу лес природную

Давал, и грот – природное убежище.
Союз попрали алчность нечестивая,
Нетерпеливый гнев и похоть пылкая,
Сжигающая душу; властолюбие
Явилось, слабый стал добычей сильного,
А сила – правом. Тут руками голыми
Сражаться стали, тут оружием сделали
Дубины, камни. Древко дрота легкое
Железом не венчалось, и у пояса
Не вешали мечей, и долгогривого
Не знали шлема. Гнев творил оружие.
Придумал Марс воинственные хитрости
И сотни видов смерти. Вся земля была
Залита кровью, море красным сделалось.
Во все дома злодейство безнаказанно
Вошло; границ не знало преступление:
Брат убивает брата, сын родной – отца,
Муж от меча жены бесчестной падает,
Детей своих же истребляют матери.
А мачеха? Зверей она свирепее!
Всех зол источник – женщина; она душой
Завладевает, кознодейка. Блуд ее
Причина войн, пожаров, истребления,
Крушенья царств, племен порабощения,
Назвать довольно хоть жену Эгееву,
Медею, чтобы гнусны стали женщины.
Кормилица
Зачем грехи немногих ставить всем в вину?
Ипполит
Всех ненавижу, всех кляню, от всех бегу.
То разум, иль природа, иль безумие,
Но ненавидеть сладко. Раньше вспыхнет лед,
Коварный Сирт волной гостеприимною
Суда встречать начнет, на дальнем Западе
Из волн Тефии встанет день блистающий

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
И волчьи пасти нежны будут с ланями,

Чем дух смирится, побежденный женщиной.

Кормилица

Упрямец Купидон нередко взнуздывал

И ненависть гасил. На царство матери

Взгляни: и там несут ярмо Венераино,

Свидетель – ты, сын в племени единственный.

Ипполит

Я утешаюсь после смерти матери

Одним: всех женщин вправе ненавидеть я.

Кормилица

(в сторону)

Как скалы, отовсюду неприступные,

Противятся прибою, влагу дерзкую

Презрев, так презирает он слова мои.

Входит Федра

Вот Федра к нам спешит нетерпеливая.

На что толкнет безумье? Что судьба сулит?

При виде Ипполита Федра падает без чувств.

Упала вдруг на землю бездыханная,

И щеки заливаает бледность смертная.

Ипполит поднимает Федру.

Очнись, заговори скорей, питомица!

Вот – Ипполит твой держит на руках тебя.

Федра

Кто мукам возвратил меня, смятением

Наполнив душу? Сладко так забыть себя.

Ипполит

Зачем бежишь ты света возвращенного?

Федра

Дерзай, душа! Пытайся! До конца иди!

В бесстрашном слове – сила. Робкой просьбою

Отказывать мы учим. Преступление

Почти свершилось, и стыдиться поздно мне.

Злом было полюбить; иди же далее,

Быть может, грех покрою брачным факелом.

Успех ведь честным делает бесчестное.

Начни, душа!

(Ипполиту)

Молю, меня ты выслушай

Наедине. Пусть отойдут все спутники.

Ипполит

Вот место, где не будет нам свидетелей.

Федра

Уста, начавши, не желают вымолвить.

Речь с силой рвется, но сильней препятствие.

Свидетели мне боги: не хочу того,

Чего хочу.

Ипполит

Душа сказать желает – и сказать нет сил?

Федра

Большое горе немо, только малое

Болтливо.

Ипполит

Мать, твое поведай горе мне.

Федра

Могуче и почетно имя матери.

Скромнее зваться чувствам надлежит моим,

Зови меня сестрою иль служанкою,

Служанкой лучше: рабство я легко снесу.

Идти прикажешь снежными вершинами,

И Пинда ледники не отвратят меня.

Вели пройти сквозь пламя, сквозь ряды врагов

Грудь под мечи подставляю, не замедливши.

Вот жезл, что мне поручен: ты возьми его:

Царем ты должен быть, а я – служанкою.

Не дело женщин – городами властвовать;

Ты, мужественный, ты, цветущий юностью,

Отцу вослед над гражданами власть возьми

И вдовую молящую рабу прими

К себе на грудь.

Ипполит

Примета да не сбудется!

Сюда вернется цел и невредим отец.

Федра

Скупого царства царь пути обратного

Не открывал от Стикса молчаливого,

Так похитителя жены отпустит он?

Иль сам Плутон к влюбленным снисходителен?

Ипполит

Вернут Тесея боги справедливые,

Доколе же не высказал решенья дит,

я братьев окружу любовью должною

и, чтоб себя вдовою не считала ты,

Тебе во всем я замену родителя.

Федра

(в сторону)

О ты, любви надежда легковерная!

Довольно ли сказал он? Речь начну прямой.

(Ипполиту)

Услышь души признанье молчаливое!

Сказать хочу – и страшно.

Ипполит

В чем беда твоя?

Федра

И не поверишь, что возможно мачехе

Попасть в беду такую.

Ипполит

Говори ясней:

Двусмысленны слова твои.

Федра

Мне сердце жар

Безумный иссушил. Сжигает тайная

любовь меня: в глубоких жилах кроется,

Утробу, кости изнутри сжигает мне,

Уж кровлю дома пламя лижет легкое.

Ипполит

К Тесею ты горишь любовью чистою?

Федра

да, Ипполит: люблю лицо Тесеево,
То, прежде, когда впервые отроку
Пушок отметил нежный щеки чистые;
Таким его увидел дом чудовища,
Из чьих извивов был он нитью выведен.
Как он блистал! Обвиты кудри жертвенной
Повязкой, жар стыдливый на лице горит,
И на плечах лилейных – мышцы мощные.
Лицом – твоя Диана, иль мой Феб, – иль нет:
лицом как ты. Таким он был, таким, когда
Им враг пленился. Так держал он голову.
Нет, ярче блеск твоей красоты неприбранной:
Ты весь в отца, и все ж от дикой матери
Частица красоты тебе досталась.
Есть в греческом лице суровость скифская.
Когда б вошел с отцом ты в бухту Критскую,
Тебе бы – не Тесею спряла нить сестра.
Приди, сестра, в какой бы части неба ты
Звездой ни сияла: в той же я беде.
Одной семьей мы – две сестры – захвачены:
Отцом – ты, сыном – я. И вот простерлося
У ног его с мольбою чадо царское.
Лишь для тебя, невинная и чистая,
Я изменилась, до мольбы унизилась.
Конец сегодня мукам – или мне самой.
Над любящею сжался!

Ипполит

Царь богов, зачем

Так медлишь ты услышать и увидеть зло?
Когда метнешь рукою гневной молнию,
Сейчас коль небо ясно? Пусть обрушится
Эфир и в черных тучах день сокроется!
Светила, извратите не прямой свой путь

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
И вспять помчитесь. Ты, светило первое,

Титан, как можешь ты на нечестивое
Смотреть потомство? Скрой же свет, сойди во тьму!
Зачем, богов властитель, длань пуста твоя
И небо не сверкнет трехзубой молнией?
Меня рази, меня летучим пламенем
Испепели: я грешен, заслужил я смерть.
Я мачеху пленил.

(Федре)

Ты блуда гнусного
Меня достойным мнишь и злодеяния
Предметом легким? Заслужил я строгостью
Лишь этого? Всех женщин ты преступнее,
Бесстыдством затмеваешь мать, родившую
Чудовище: развратом запятнала та
Себя одну, но преступленье тайное
Двувидная улика обнаружила:
Младенец-полузверь раскрыл вину ее.
Ты выношена тою же утробою!
О, дважды, трижды ваша гибель счастлива,
Вы все, кого коварство или ненависть
Убили! Я тебе, отец, завидую:
Моя страшней твоей колхидской мачехи.

Федра

Сама я знаю участь рода нашего:
К запретному стремиться. Но тебе вослед
Пойду сквозь пламя, над собой не властная,
Через моря, утесы, реки быстрые.
Куда пойдешь, туда и я, безумная.
Гордец! К твоим стопам опять припала я.
Ипполит
Не смей бесстыдно тела непорочного
Касаться! Что? Опять в объятия падает?
Наружу меч: пусть по заслугам примет казнь.
Так! За волосы голову бесстыдную
Ей запрокину. Дева-лукодержлица,

Не знал алтарь твой жертвы справедливее.

Федра

О, ты исполнить хочешь все мольбы мои,
Безумье исцелить. Молить не смела я,
Чтобы от рук твоих погибнуть чистою.

Ипполит

Нет, у меня и смерти ты не вымолишь!
Меч оскверненный прочь от тела чистого!
Какой теперь очистит Танаис меня
Иль Меотида, волны в Понт стремящая?
Не хватит Океана деду мощному,
Чтоб скверну смыть. О звери, о леса мои!
Убегает.

Кормилица

Вина открыта. О душа, что медлишь ты?
Ему припишем мы любовь нечистую.
Злодейством новым скрыть злодейство следует,
В опасности надежней наступление.
Дерзнули мы иль сами стали жертвами,
Кто будет знать, коль нет вины свидетелей?
Кричит.

Афиняне, сюда! Вы, слуги верные,
На помощь! Ипполит в безумной похоти
Напал, теснит и смертью госпоже грозит!
Мечом пугает чистую! Вот прочь бежит,
Лишь бросил меч, от ужаса в беспамятстве.
У нас улика. В чувство приведите вы
Несчастную сперва. Волос растерзанных
Не трогайте: злодея обличат они.
Несите в город. Госпожа, очнись скорей!
Что грудь терзаешь, что в глаза не смотришь ты?
Не случай нас, а нрав бесчестит собственный.

Хор

Как безумный вихрь, он бежит отсюда,
Мчится, словно Кор, уносящий тучи,

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Мчится, как звезда, что порывом ветра

Сметена с небес и в полете светлый

След оставляет.

Прежних дней красу пусть сравнит с твоею

Слава, что одной старине дивится,

Ярче блещешь ты красотой светлой:

Так блеснит луна полнотою круга

В ночь, когда, заткав меж рогов пространство

Золотым огнем, колесницей правит

феба и земле заалевший кажет

лик, меньших светил затмевая пламень;

Так горит, всходя, предвозвестник ночи,

Когда он, омыт в Океане, Веспер,

Сумерки ведет, когда гонит сумрак,

Имя сменивши.

От тирсоносных к нам индов явившийся,

Вечный отрок, кудрей долгих не срезавший,

Виноградным копьем тигров пугающий,

Вакх с рогатым челом, митрой повязанным,

Ипполитовых косм не победишь и ты!

либер, зря не гордись нежной красой лица:

Всем народам земли ведом рассказ о том,

кто тебе предпочтен Федры сестрою был.

Только смертным краса на благо ли?

Дар мимолетный, дар кратковременный,

как ты спешишь по пути увядания!

Быстро пестрый наряд с вешних совлек лугов

Лета душного зной в пору, когда палит

Пламя жгучих лучей солнцестояния

и коротким путем мчит в колеснице ночь;

Быстро никнут цветы лилии белые,

но редеет быстрее милых кудрей волна,

и на нежных щеках гаснет румяный блеск:

не бывает и дня, мига такого нет,

чтобы он красоты часть не унес с собой.

Краток век красоты. Мудрый поверит ли

Бренным благам ее? Пользуйся тем, что есть!
Молча против тебя время ведет подкоп,
Будет завтрашний день хуже, чем нынешний.
Что ты в дебри бежишь? Меньше ль опасностей
Там грозит красоте? В чаще глухих лесов,
В час, когда полпути в небе пройдет Титан,
Рой распутных наяд вдруг окружит тебя,
В плен красавцев они в глубь родников влекут.
Из засады твой сон подстерегут всегда
Сонмы резвых лесных дриад,
Что за панами вслед горными гонятся.
Иль со звездных небес взор обратит к тебе
То светило, кого старше аркадян род,
И с упряжкой коней белых не справится.
Прошлой ночью у ней лик зарумянился,
Хоть его ни одна тучка не застила;
Мы, богини испуг видя, встревожились
И, решив, что виной власть фессалийских чар,
Стали медью греметь. Но лишь в тебе одном
Тут причина была: ночи богиня путь
Задержала затем, чтоб на тебя смотреть.
Если б меньше мороз это лицо терзал,
Если б реже его солнечный луч палил,
Блеск затмило б оно камня паросского.
Как прекрасно его мрачное мужество!
Как нависли бровей дуги тяжелые!
Только с Фебом сравню шею лилейную.
Бога пышным кудрям иго неведомо,
Вольно льются они на плечи стройные;
Ты милее, когда пряди короткие
В беспорядке лежат. Даже воинственных
И суровых богов ростом и силою
Ты дерзнешь превзойти: лишь Геркулес один
Мог бы спорить с тобой крепостью юных мышц.
Грудью шире ты, чем грозный воитель – Марс.

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Если б ты на коня сел легконогого
И проворной рукой гибкую взял узду,
Легче Кастора ты правил бы килларом.
Пальцы мощной руки в петлю копья продень
И с размаху метни вдаль, что есть сил, его,
Разве сможет послать так далеко стрелу
Критский лучник, что бьет дальше и метче всех?
Коль стрелу за стрелой ты на парфянский лад
Будешь в небо метать, то ни одна из них
Не вернется пустой: в птичью вонзившись грудь,
Из-за туч принесет дичь тебе каждая.
Все века обозри: много ль найдешь мужей,
Чья краса бы на них не навлекла беды?
Пусть же будет к тебе милостив бог и пусть
Только старость тебя дивной лишит красы.
На что дерзнуть не смеет ярость женщины?
Невинному готовит обвинения
Чудовищные Федра, и свидетельство
Растрепанных волос и щек заплаканных
Заставит верить женским козням пагубным.
Кто это? Блещет красотой царственной
Лицо, и голова высоко поднята.
О, как он был бы на Питфея юного
Похож, когда б не эти щеки бледные,
Не сбившиеся волосы торчащие.
Тесей, Тесей на землю возвращается!
Тесей
Да, я ушел из края мрака вечного,
Темницы манов, из-под неба черного.
Как трудно оку свет желанный выдержать!
Сжал Элевсин Церерин дар четырежды,
Четырежды сравняли ночь и день Весы,
Покуда, пленник двойственного жребия,
Терпел все муки жизни, муки смерти я,
Одно от жизни сохранив угаснувшей:
Сознание бед. Алкид мне был спасением:

Когда он силой пса исторг из Тартара,
То к свету поднебесному вернул меня.
Но сил лишилась доблесть истомленная,
Мой шаг неверен. О, как было трудно мне
Весь путь от Флегетона до границы дня
Бежать от смерти, поспевать Алкиду вслед.
Но что за шум печальный вдруг слышался?
Откуда скорбь, и плач, и стон, поведайте,
И на пороге жизни – вопли слезные?
Достойна встреча гостя из подземных стран.

Кормилица

Упорно Федра жаждет умертвить себя,
Презрев наш плач, стремится к близкой гибели.

Тесей

Но что велит ей смертью встретить мой возврат?

Кормилица

Велит возврат супруга умереть скорей.

Тесей

Слова твои неясны и таят беду.
Скажи мне прямо, что за скорбь гнетет ее.

Кормилица

Не открывает тайны никому она,
В могиле хочет скрыть причину гибели.
Иди, молю, иди: спешить нам надобно.

Тесей

Скорее отворите двери царские!

Двери распахиваются.

За ними – Федра с мечом в руке.

Подруга ложа, мужа долгожданного

Ты так встречаешь? Почему ты тотчас же

Не выпустишь меча из рук и душу мне

Не успокоишь, не откроешь, что тебя

Из жизни гонит?

Федра

О великодушный мой

Сенека Луций Анней Федра filosofff.org
Тесей, твоим возвратом заклинаю я,
Детьми, престолом, прахом Федры умершей,
Дозволь мне смерть.
Тесей
Поведай хоть причину мне.
Федра
Назвав причину, смерть напрасной сделаю.
Тесей
Но я один услышу то, что скажешь ты.
Федра
Один лишь муж стыдливой страшен женщине.
Тесей
Я в сердце верном тайну сохраню твою.
Федра
Тот, кто молчанья хочет, пусть и сам молчит.
Тесей
Тебе не дам я воли убивать себя.
Федра
Кто хочет смерти, тот везде найдет се.
Тесей
Какое преступленье жаждешь смертью смыть?
Федра
То, что живу я.
Тесей
Дела нет до слез моих?
Федра
Всех лучше смерть, что слезы близких вызовет.
Тесей
Она молчит. Но в путях, под ударами
Мне выдаст тайну старая кормилица.
Рабу закуйте в цепи. Вырвет бич у ней
Сокрытое.
Федра
Остановись, я все скажу.
Тесей
Зачем лицо ты отвращаешь скорбное,

Прикрывши платьем слезы набежавшие?

Федра

Тебя, творец богов, зову в свидетели,

Тебя, огонь, в эфире ярко блещущий,

Начало положивший роду нашему!

К мольбам я не склонилась, под мечом мой дух

Был тверд, - но тело вынесло насилие,

И смою кровью я пятно позорное.

Тесей

кто, кто был нашей чести осквернителем?

Федра

Кого всех меньше заподозришь.

Тесей

кто, я жду.

Федра

Пусть скажет меч, что брошен был насильником,

когда стеченья граждан испугался он.

Тесей

увы, что вижу? Есть ли зло чудовищней?

Вот знаки, врезанные в кость слоновую

на рукояти, - рода честь актейского.

А сам куда бежал он?

Федра

Слуги видели,

как, трепеща от страха, он умчался прочь.

Тесей

ты, Благочестье! ты, на небе правящий!

ты, в царстве во втором валы вздымающий!

В роду откуда нашем язва гнусная?

не скифским Тавром, не колхидским Фазисом,

А Грецией он вскормлен? Поколенья вспять

идут, кровь дедов достается вырождакам.

Вот дикий нрав воинственного племени:

Венеру долго отвергать - и чистое

всем тело предавать. Отродье мерзкое,

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Законом лучших стран не побежденное.

В любви греха боятся и животные,
Блюдет законы рода неразумный стыд.
Где строгий взор? Где лживое величие?
Где к старине угрюмая приверженность,
Суровость нравов, стариков достойная?
О жизнь лжеца! Глубоко чувства спрятаны,
Постыдный нрав скрыт под личиной благодистой,
Стыдливостью бесстыдство прикрывается,
Грех – благочестием, дерзость – миролюбием,
Ложь – истиной, суровостью – изнеженность.
Ты, житель чащ, дикарь, пустынный, девственник,
Блюл чистоту на горе мне? Мужчиной стать
Решил ты, ложе осквернив отцовское?
Царю богов я должен благодарен быть
За то, что Антиопа от моей руки
Погибла, что с тобою не осталась мать,
Когда я к Стиксу шел. Ступай изгнанником
К народам дальним; скройся хоть на край земли,
В пространства. Океаном отделенные,
В мир, что стопами к нашим обращен стопам;
В последних далях отыщи убежище,
Минуй страну под осью неба сумрачной,
Снега седые, зимы бесконечные
И ледяных ветров угрозы шумные,
Ты все равно от кары не уйдешь моей!
Пойду за беглецом во все укывища,
Далекие, глухие, бездорожные,
Преград не будет: знаешь сам, откуда я
Вернулся. А куда не долетит стрела,
Туда мольба домчится: три желанья
Мне обещал исполнить, по мольбе моей,
Отец морской, поклявшись Стикса водами.
Пучины царь, дар заверши свой гибельный!
Пусть Ипполит покинет свет и юношей
К теням, которых я разгневал, спустится!

Чудовищную службу сослужи, отец!
я дара бы последнего не требовал,
Не угнетенный бедами великими;
Во мраке дита, в страшной бездне Тартара,
Когда вблизи грозил мне преисподней царь,
Мольбу сберег я. Ныне клятву выполни!
Отец, что медлишь? Волны почему молчат?
Вели, чтоб ветры гнали тучи черные,
Светила скрой и небо тьмою сотканной,
Взмути пучину и прикличь морскую чернь,
Валы из дали Океана вызови!

Хор

О природа, богов великая мать!
Огненосного царь Олимпа, ты
Направляешь пути золотых светил
И блуждающих звезд; ты вращаешь, Отец,
Небесный свод на быстрой оси,
Но зачем, зачем так заботишься ты
О вечных путях в эфире небес,
Чтобы в срок холода дыханьем седым
Обнажали леса, чтобы снова тенист
Стал кустарник в свой срок, чтобы летний Лев
Жарким зноем сжигал Цереры плоды,
Чтобы силы свои в положенный срок
Год опять умерял?
Как, державой такой управляя, где все
Глыбы тяжких светил в просторе небес,
Равновесье храня, летят по кругам,
Ты покинул людей, слишком веря им,
Не заботясь о том, чтобы зло карать,
А добро награждать?
В людских делах порядок исчез;
Их фортуна вершит: вслепую рукой
Рассыпает дары, благосклонная к злым.
Над теми, кто чист, похоть верх берет,

В высоких дворцах коварство царит,

И фации рад бесстыдным вручить

Народ, что одних ненавидит и чтит.

А доблесть и честь превратно всегда

Награждает судьба: ибо чистых душой

Злая бедность томит, но, пороком могуч,

Развратный царит.

О, мнимая честь! О, тщета стыда!

Но вот подходит вестник. Что спешит он так?

Во взорах скорбь, слезами щеки залиты.

Входит Вестник

Вестник

О, горький жребий, злая доля рабская!

Зачем нести велишь мне вести страшные?

Тесей

Не бойся о любых поведать бедствиях:

Всегда готово сердце встретить горести.

Вестник

Уста словами горю не хотят служить.

Тесей

Скажи, что рок на дом обрушил гибнущий?

Вестник

Увы! Ужасной смертью Ипполит погиб.

Тесей

Что сын погиб мой, раньше я, родитель, знал.

Теперь погиб насильник. Все поведай мне.

Вестник

Когда тревожным шагом прочь из города

Ушел изгнанник, быстрый ускоряя путь,

То скакунов запряг в ярмо высокое,

Им пасти усмирив уздой короткою;

Меж тем, к себе лишь обращаясь, проклял он

Родную землю и не раз призвал отца.

Вот, отпустивши вожжи, он бичом взмахнул

Но вдруг взметнулась в море с громким грохотом

До звезд волна, хоть ветер и безмолвствовал

И не гремело в небесах безоблачных:
Сама вскипела бурей гладь спокойная.
Такой волны ни Австр не гнал к Сицилии,
Ни Кор, в заливе Ионийском царствуя,
Таких валов на скалы не обрушивал,
Хлеща в Левкадский мыс седую пеною.
Волна стеной и вширь и ввысь вздувается,
Бежит к земле, чреватая чудовищем,
Не только кораблям грозя погибелью,
Но и земле. Накатом тяжким к берегу
Несется вал, и что несет, неведомо,
В неспрадном лоне. Иль поднимет голову
Из вод земля, и новый остров вынырнет?
Сокрылись скалы бога эпидаврского,
Скирона камни, славные злодействами,
Земля, между двумя морями сжатая.
Пока дивились мы в недоумении,
Взревело море, эхо отдалось меж скал;
Вал брызжет солью влаги извергаемой,
Бьют вверх и пропадают струи пенные,
Так необъятный в Океане кит плывет,
Из пасти изрыгая струи бурные.
Уже нависла вод гора дрожащая,
Рассыпалась и вынесла чудовище
Страшней всех страхов, и сама вослед ему
На берег вторглась. Молкнет речь от ужаса:
Был грозен и огромен зверь невиданный
Высокий бык с крутой лазурной шеею,
И с гривой надо лбом зеленоватою,
С мохнатыми ушами; а глаза двумя
Цветами отливают: алым пламенем,
Как у владыки стада одичалого,
И синевою моря, где рожден он был.
Играют на загривке мышцы твердые,
Вбирая воздух, ноздри раздуваются,

Сенека Луций Анней Федра filosoff.org
Подгрудок зелен, тиною облепленный,
Бока покрыты пятнами пурпурными.
А сзади тело зверя уже сходится
И волочится, чешуей покрытое,
Огромное. Такие в море западном
Киты суда глотают иль крушат в щепы.
Земля заколебалась; скот испуганный
Метнулся врассыпную, и забыл пастух
Бежать за стадом. Звери мчатся из лесу;
Оцепенев от страха леденящего,
Встает охотник. Только Ипполит один
Не знает страха, пробует сдержать коней
Уздой и звуком голоса знакомого.
Там, где холмы над морем обрываются,
Дорога есть над крутизной. Чудовище
Ее загородило, лютый гнев копя.
Когда же, так и этак изготовившись,
Взъярилось вдоволь, - бросилось вперед стремглав,
Земли едва касаясь, и, ужасное,
Перед упряжкой замерло трепещущей.
Твой сын навстречу поднялся с угрозой,
В лице не изменившись, и воскликнул так:
"Мне дух не сломит тщетный страх: разить быков
В роду Тесея, верно, труд наследственный!"
Но кони понеслись, вожжей не слушаясь,
С дороги прочь метнулись, колесницу мча;
Куда несет безумный страх взбесившихся,
Туда летят через утесы острые.
А он, как кормчий среди вод бушующих
Бег моря умеряет и умением
Обманывает волны, чтоб не били в борт,
Конями правит: то терзает губы им,
Натягивая вожжи, то витым бичом
По спинам хлещет. Неотступным спутником
Несется бык: со всех сторон пугает он
Коней, то вровень мчась, то обгоняя их.

Не убежать: везде торчат преградою
Навстречу им рога морского чудища,
И в страхе скакуны не повинуются
Приказам: тщатся вырваться из упряжи,
Швыряя колесницу, на дыбы встают.
Ничком упал твой сын - и петли цепкие
Опутали его. Чем больше бьется он,
Тем туже гибкие узлы становятся.
А скакуны, почуяв злодеяние,
Мчат на свободе колесницу легкую:
Так, чуждый груз почувствовав и гневаясь,
Что свет дневной доверен солнцу ложному,
Низвергли фаэтона кони фебовы.
В крови все поле. Голова разбитая
Подскакивает на камнях. Терновники
Рвут волосы, кремни терзают острые
Лицо и губят ранами красу его.
Летят колеса, муку делят предсмертную.
Но вдруг вонзился острый обгорелый сук
Глубоко в пах - и тело пригвожденное
Возницы скакунов сдержало мчащихся.
На миг остановились - и препятствие,
Рванувшись, разорвали. В плоть впиваются
Полуживую все шипы терновые,
На всех кустах висят клочки кровавые.
Блуждают слуги по полям погибельным,
Везде, где путь свой Ипполит растерзанный
Отметил алой полосой широкою,
Собаки с воем ищут плоть хозяина.
Но труд усердный не помог все тело нам
Собрать. Таков ли жребий красоты людской?
Наследника, с отцом престол делившего,
Сиявшего всех ярче, как звезда в ночи,
Мы для костра собираем погребального
Повсюду по кускам.

Тесей

О, ты сильнее всех,
Нас кровными связующая узами
Природа! Мы тебя и против воли чтим:
Сгубить хотел – и о погибшем плачу я.

Вестник

Бесчестно плакать, если что хотел, то смог.

Тесей

Когда своею властью случай сделает
Желанное проклятым, горше нет беды.

Вестник

Что плакать, если не угасла ненависть?

Тесей

Не об убитом – об убившем плачу я.

Хор

О людской удел, случай – твой господин;
Но меньше гнетет тех, кто меньше, судьба
И что легче, то боги легче разят.
Нам безвестный покой безмятежность дарит,
И в лачугах нам безопасно стареть.
На кичливый кров, вознесенный в эфир,
Налетает и Эвр, налетает и Нот,
Им безумный грозит Борей,
Кор их сечет дождями.

Редко грозит громовой удар

Влажной долине:

Но трепещет всегда Громовержца огней
Высокий Кавказ и фригийский лес
Кибелы приют: ведь Юпитер разит
Все, что ближе – на страх ему – к небесам.
Но не знает больших сотрясений и бурь
Смиранный кров плебейских домов.
Гром колеблет дворцы.
На крыльях летит ненадежных час,
И проворная нам не бывает верна
Фортуна вовек.

И он, кто вновь увидал над собой
Блеск небесных светил и сиянье дня,
Кто покинул мрак, оплакал теперь
Свой печальный возврат, ибо горший приют,
Чем даже Аверн, уготовил ему
Родной его край.

О Паллада, ты, что в Афинах чтима,
Если твой Тесей небосвод увидел,
Если он бежал от болот стигийских,
У Плутона ты не в долгу за это:
Ведь остался счет в преисподней прежним.
Но что за вопли из дворца доносятся?
Зачем схватила Федра меч в отчаянье?
Вносят тело Ипполита.
Вбегают Федра с мечом в руках.

Тесей

Какая боль язвит тебя безумием?
Зачем здесь меч? И почему рыдаешь ты,
Бьешь в грудь себя над телом ненавистного?

Федра

Меня, меня, жестокий властелин пучин,
Преследуй, на меня из вод лазоревых
Всех чудищ вышли, сколько их глубокое
Родит Тефии лоно, сколько прячет их
Далекий Океан в волнах блуждающих.
Тесей, ни разу не был безнаказанным
Для близких твой возврат: отца и сына он
Убил; любя иль ненавидя жен твоих,
Ты дом и род свой губишь одинаково.
О ипполит, таким я вижу вновь тебя,
Из-за меня таким ты стал? Какой Прокруст
Иль Синие тело разорвал? Иль, может быть,
Двувидный критский бык, своим мычанием
Дедалов дом наполнивший, терзал тебя?
Увы, где красота твоя цветущая,

Где наши звезды – очи? Бездыханен ты!

Приди на миг, мои слова лишь выслушай:

Постыдного в них нет. Сама за смерть твою

Себя карая, Федра грудь преступную

Пронзит, от жизни и греха избавится

И вслед тебе за Стикс, за топи Тартара,

За огненный поток пойдет безумная.

Умилостивим маны: прядь прими мою,

Что я с чела растерзанного срезала.

Соединить сердца дано нам не было

Соединим же судьбы. Ты чиста – умри

Во имя мужа; а прелюбодейка пусть

Умрет во имя страсти. Не хватало лишь,

Купив такой ценою славу добрую,

Взойти на ложе мужа оскверненное.

О смерть благая, ты одна утишишь страсть.

О смерть святая, ты одна мне честь вернешь.

Стремлюсь к тебе: укрой меня в объятиях.

Внемлите мне, Афины! Мне внемли, отец,

Что злее был губительницы-мачехи:

Я солгала. В больной рожден груди моей

Тот мнимый грех, который ты, Тесей, карал.

Погублен чистый клеветой нечистой,

Стыдливый, целомудренный. – Твой нрав тебе

Верну я. Грудь открыта, справедлив клинок,

Кровь льется в жертву праху непорочному.

Пронзает себе грудь.

Что делать, когда сын убит, – у мачехи

Учись, отец. Сойди в края стигийские.

Умирает.

Тесей

Жерла бледного Аверна и Тенара темный вход,

Утешение несчастных – тихий ток Летейских вод,

Нечестивца поглотите для бесчисленных вечных мук!

Вы, чудовища морские, все сюда из всех морей,

Где бы вас Протей ни прятал в темной глубине пучин,

Упоенного убийством увлеките в бездну волн!
Ты, отец, всегда готовый разделить сыновний гнев,
Став сыноубийцей, смерти легкой недостоин я,
Кто растерзанное тело разметал по всем полям,
Кто воистину преступен, ибо мнимый грех карал.
Все полно моим злодейством: звезды, маны, Океан.
Нет четвертого удела; трем известен царствам я.
Затем ли я вернулся, к небу путь открыв,
Чтоб над двумя убитыми двойной обряд
Вдовцом бездетным справить, запалить костер,
Который сына и жену сожжет моих?
Алкид, мне возвративший горький свет дневной,
Верни Плутону дар его, к теням меня
Отправь знакомым. Нет, зову напрасно я
Покинутую смерть. Ты, искусившийся
В убийствах, страшных измыслитель гибелей,
К достойной казни сам приговори себя.
Пригнуть ли сосны до земли вершинами,
Чтоб, распрямившись, разорвали надвое
Меня они? Со скал Скирона грянуться?
Я видел муки худшие, которые
Готовит Флегетон горящий узникам:
Я знаю место, знаю казнь, что ждет меня.
Злодеев тени, прочь! Пусть камень на плечи
Мне ляжет – вечный старца Эолида труд
И руки мне отяготит усталые;
Меня пусть манит влага и от уст бежит,
Ко мне пусть коршун улетит от Тития
Моей кормиться вновь отросшей печенью;
Покойся, Пирифоя моего отец:
Пусть колеса вращенье непрерывное
Мое мчит тело по кругам мучительным.
Земля, разверзись! Хаос, поглоти меня!
Сегодня с большим правом низойду к теням:
За сыном следом. В вечный дом прими меня,

Сенека Луций Анней Федра filosofff.org
Плутон, без страха: с чистой целью прибыл я

И не уйду. Увы, не внемлют боги мне,
Лишь злым мольбам немедля внять готовые.

Хор

Тесей, для жалоб время есть бессрочное,
Сейчас воздай последний Ипполиту долг:
Растерзанное тело схорони скорей.

Тесей

Сюда, сюда останки тела милого
Несите! Члены в беспорядке сложены...
Ужели это Ипполит? Вину мою
Я признаю. Но чтобы не на мне одном
И не одна была вина, – родителя
Призвал я. Вот он, отчий дар, вот плод его!
О, горе лет преклонных, одиночество!
Несчастный, на груди согрей в объятиях
То, что от сына твоего осталось.

Хор

Растерзанного тела части жалкие
Сложи в порядке и верни на место их.
Сюда – десницу мощную; вот левое
Плечо узнать возможно; приложи к нему
Длань, что уздой привыкла умирять коней.
Увы! Не все оплакать тело можем мы.

Тесей

Печальный труд терпи, рука дрожащая!
Пусть не струятся слезы по сухим щекам,
Пока все члены не пересчитал отец
И тела не сложил. Что тут, лишенное
Обличья, искалеченное ранами?
Какая часть – не знаю, но твоя она.
Сюда клади, где место есть свободное.
И это – красота, звездой светившая,
Врагов потупить взоры заставлявшая?
Проклятый рок, бессмертных милость грозная!
Таким мой сын вернулся – по мольбе отца!

Прими дары последние родителя,
О многократно хоронимый! Пусть костер
Сожжет останки. Скорбный отоприте дом!
Пусть клич печальный огласит Мопсопию!
Вы к царскому костру несите факелы,
Вы в поле собирайте труп растерзанный,
А этой яму выройте глубокую:
Пусть голову земля гнетет преступную.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!